

Омар Хайям

Мой закон: быть веселым
и вечно хмельным

Народная поэзия

Омар Хайям

**Мой закон: быть веселым
и вечно хмельным**

«ЭКСМО»

1048–1123

УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)9-5

Хайям О.

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным / О. Хайям —
«Эксмо», 1048–1123 — (Народная поэзия)

ISBN 978-5-04-094690-7

Знаменитые четверостишия-рубаи Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123) переводятся на русский язык уже более ста лет, но с особым успехом — начиная с 70-х годов XX века. В сборник, который вы держите в руках, вошли рубаи, переведенные замечательным поэтом и переводчиком восточной поэзии Германом Плисецким. «Хайям Германа Плисецкого убеждает прежде всего потому, что в его переводах старый иранский мудрец — действительно великий поэт» (Б. Слуцкий). Дополнительную ценность сборнику придают предисловие самого поэта-переводчика и послесловие с рассказом о его судьбе.

УДК 821.222.1-1

ББК 84(0)9-5

ISBN 978-5-04-094690-7

© Хайям О., 1048–1123

© Эксмо, 1048–1123

Содержание

Живая личность поэта	8
Рубайат	10
1. «Много лет размышлял я над жизнью земной...»	10
2. «Я – школяр в этом лучшем из лучших миров...»	11
3. «И пылинка – живою частицей была...»	12
4. «Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»...»	13
5. «Этот старый кувшин безутешней вдовца...»	14
6. «Я однажды кувшин говорящий купил...»	15
7. «Этот старый кувшин на столе бедняка...»	16
8. «Когда плачут весной облака – не грусти...»	17
9. «Был ли в самом начале у мира исток?...»	18
10. «Видишь этого мальчика, старый мудрец?...»	19
11. «Управляется мир Четырьмя и Семью...»	20
12. «В колыбели – младенец, покойник – в гробу...»	21
13. «Я познание сделал своим ремеслом...»	22
14. «Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь...»	23
15. «Месяца месяцами сменялись до нас...»	24
16. «Как жар-птица, как в сказочном замке княжна...»	25
17. «Не тверди нам о том, что в раю – благодать...»	26
18. «Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь...»	27
19. «Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы...»	28
20. «Те, что веруют слепо, – пути не найдут...»	29
21. «Лучше впасть в нищету, голодать или красть...»	30
22. «Недостойно – стремиться к тарелке любой...»	31
23. «Если труженик, в поте лица своего...»	32
24. «Вижу смутную землю – обитель скорбей...»	33
25. «Не одерживал смертный над небом побед...»	34
26. «Всё, что видим мы, – видимость только одна...»	35
27. «Даже самые светлые в мире умы...»	36
28. «Удивленья достойны поступки Творца!...»	37
29. «Круг небес ослепляет нас блеском своим...»	38
30. «В поднебесье – светил ослепительных тьма...»	39
31. «Если истина вечно уходит из рук...»	40
32. «Ты с душою расстанешься скоро, поверь...»	41
33. «Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!...»	42
34. «Когда с телом душа распростится, скорбя...»	43
35. «Где мудрец, мирозданья постигший секрет?...»	44
36. «Тот, кто следует разуму, – доит быка...»	45
37. «Здесь владыки блистали в парче и в шелку...»	46
38. «Этот старый дворец называется – мир...»	47
39. «Где могучий Бахрам за онагром скакал...»	48
40. «Если низменной похоти станешь рабом...»	49
41. «В прах судьбою растертые видятся мне...»	50
42. «Вижу: птица сидит на стене городской...»	51
43. «Я вчера наблюдал, как вращается круг...»	52
44. «Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей...»	53

45. «Я кувшин что есть силы об камень хватил...»	54
46. «Сам я слышал вчера в мастерской гончара...»	55
47. «Поглядите на мастера глиняных дел...»	56
48. «Этот винный кувшин на столе бедняка...»	57
49. «Ни держава, ни полная злата казна...»	58
50. «На зеленых коврах хорасанских полей...»	59
51. «В этой тленной Вселенной в положенный срок...»	60
52. «Поутру просыпается роза моя...»	61
53. «Половина друзей моих погребена...»	62
54. «Книга жизни моей перелистана – жаль!..»	63
55. «Мастер, шьющий палатки из шелка ума...»	64
56. «Мы – послушные куклы в руках у Творца!..»	65
57. «Даже гений – творенья венец и краса...»	66
58. «Люди тлеют в могилах, ничем становясь...»	67
59. «Я спустился однажды в гончарный подвал...»	68
60. «Разорвался у розы подол на ветру...»	69
61. «Жизнь уходит из рук, надвигается мгла...»	70
62. «В детстве ходим за истиной к учителям...»	71
63. «О невежды! Наш облик телесный – ничто...»	72
64. «Всё, что в мире нам радует взоры, – ничто...»	73
65. «В этом мире ты мудрым сльвешь? Ну и что?..»	74
66. «Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто...»	75
67. «Если будешь всю жизнь наслаждений искать...»	76
68. «Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон...»	77
69. «В Божий храм не пускайте меня на порог...»	78
70. «Этот мир – эти горы, долины, моря...»	79
71. «Я нигде преклонить головы не могу...»	80
72. «Ты не очень-то щедр, всемогущий Творец...»	81
73. «Жизнь – пустыня, по ней мы бредем нагишом...»	82
74. «Вместо солнца весь мир озарить – не могу...»	83
75. «Ухожу, ибо в этой обители бед...»	84
76. «Так как собственной смерти отсрочить нельзя...»	85
77. «Мы источник веселья – и скорби рудник...»	86
78. «Ты не волен в желаньях своих и делах?..»	87
79. «Веселись! Ибо нас не спросили вчера...»	88
80. «Бренность мира узрев, горевать погоди!..»	89
81. «Если б мог я найти путеводную нить...»	90
82. «В этом замкнутом круге – крути не крути...»	91
83. «Отчего всемогущий Творец наших тел...»	92
84. «Изваял эту чашу искусный резец...»	93
85. «Двери в рай всемогущий Господь затворил...»	94
86. «Заглянуть за опущенный занавес тьмы...»	95
87. «Часть людей обольщается жизнью земной...»	96
88. «Мы бродили всю жизнь по горам и долам...»	97
89. «Ни от жизни моей, ни от смерти моей...»	98
90. «Ты не слушай глупцов, умудренных житем...»	99
91. «Видит Бог: не пропившись, я пить перестал...»	100
92. «Были б добрые в силе, а злые слабы...»	101
93. «Тайну вечности смертным постичь не дано...»	102

94. «И седых стариков, и румяных юнцов...»	103
95. «Все цветы для тебя в этом мире цветут...»	104
96. «Ранним утром, о нежная, чарку налей...»	105
97. «О кумир! Я подобных тебе не встречал...»	106
98. «Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда...»	107
99. «Хорошо, если платье твое без прорех...»	108
100. «Я страдать обречен до конца своих дней...»	109
101. «Океан, состоящий из капель, велик...»	110
102. «Каждый розовый взоры ласкающий куст...»	111
103. «Нищим дервишем ставши – достигнешь высот...»	112
104. «Снова туча на землю роняет слезу...»	113
105. «Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела...»	114
106. «От судьбы мне всегда достаются пинки...»	115
107. «Пей вино! Нам с тобой не заказано пить...»	116
108. «Всё пройдет – и надежды зерно не взойдет...»	117
109. «Как нужна для жемчужины полная тьма...»	118
110. «До того как мы чашу судьбы изопьем...»	119
111. «До рождения ты не нуждался ни в чем...»	120
112. «Из допущенных в рай и повергнутых в ад...»	121
113. «Вот лицо мое – словно прекрасный тюльпан...»	122
114. «Если б мне этой жизни причину постичь...»	123
115. «Вразуми, всемогущее небо, невежд...»	124
116. «Этой чаше рассудок хвалу воздаст...»	125
117. «Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит...»	126
118. «В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем...»	127
119. «Старость – дерево, корень которого сгнил...»	128
120. «Нет на свете тиранов злобней и жадней...»	129
121. «Двери в этой обители: выход и вход...»	130
122. «Добровольно сюда не явился бы я...»	131
123. «Над землей небосвод наклоняется вновь...»	132
124. «Двести лет проживешь или тысячу лет...»	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Омар Хайам
Рубайат в классическом
переводе Германа Плисецкого

© Плисецкий Г.Б., перевод на русский язык, наследники, 2018

© Плисецкий Д.Г., составление, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Живая личность поэта

Стихи такого поэта, как Омар Хайям, возможно, не нуждаются в предисловии. Но поскольку время его творчества отделено от нас восемью веками, я решаюсь добавить несколько слов от себя. Всё, что я узнал о Хайяме, всё, что понял в нем за время работы, – всё это без остатка ушло в переводы. Итог – перед читателем. Но мне хочется сказать о том, как постепенно менялось мое собственное представление о переводимом поэте, как живая логика его стихов изменяла предвзятый, односторонний образ, существовавший в моем воображении.

Ибо помимо поэтических и переводческих традиций существует еще инерция восприятия. Сложный поэт нередко упрощен, иногда (невольно) на первый план выступает одна какая-нибудь его черта, затеняя собой остальные. Так возникают «байронизм», «киплингианство», «есенинщина». То же произошло и с Хайамом. У многих, и у меня в том числе, сложился образ этакого веселого старца, с неизменной чашей в руке, между делом изрекающего истины. (Кабачки имени Омара Хайама, открывшиеся в начале XX века в Европе и Америке, – только крайнее выражение этого понимания поэта.)

Несоответствие этого шаблона истинной поэзии Хайама я почувствовал уже при работе над пробными четверостишиями. Из двадцати надо было перевести на выбор десять. Я решил перевести все двадцать, а потом отобрать из них лучшие. И оказалось, что лицо Хайама определяют не гедонические мотивы, а четверостишия, полные сосредоточенного, скорбного размышления. Именно они определили выбор стихотворного размера для перевода, именно они получились удачней других.

Чем больше я погружался в работу, тем дальше отходил от первоначального образа-схемы. Количество выпитого вина в тексте не убавлялось, но как бы уходило в придаточное предложение, становилось орнаментом. И постепенно сквозь стихотворные строки стал проступать облик совсем другого человека.

Спорщик с Богом, бесстрашный ум, чуждый иллюзий, ученый, и в стихе стремящийся к точной формуле, к афоризму, – таков Хайям, астроном и математик. Каждое четверостишие – уравнение. Ученый по-новому комбинирует известные ему величины, стремясь найти Незвестное. Четверостишия слагаются в серии. Одна и та же мысль варьируется многократно, рассматривается с разных сторон. Посылки все те же, а выводы порой прямо противоположны. Не думаю, что «противоречивость» Хайама может служить основанием для того, чтобы отвергать его авторство в доброй половине четверостиший (так полагали многие ученые востоковеды). Есть в этих крайностях высшее единство – живая личность поэта, стоящая над собственной исследовательской мыслью, примиряющая противоречия.

Если уж говорить о сомнительной принадлежности Хайаму некоторых четверостиший, то они отличаются не противоположностью суждений, а принципом поэтической организации. Так, мне кажется, что Хайаму чуждо «живописание». Он точно, четко мыслит в стихе, а не рисует картины. Поэтому несколько чужеродными мне представляются немногие пейзажные четверостишия. Внимательный читатель без труда отыщет их. В этом отличие Хайама от других великих персидских поэтов и в этом, может быть, секрет его широкой популярности за пределами родной страны.

Точность, немногословность, отсутствие случайного, симметрия формы – всё это роднит рубаи Хайама с математической формулой. Форма хайамовского рубаи необычайно дисциплинирует переводчика, ставит жесткие границы, и в то же время сама подсказывает приемы работы. Упомяну из них то, что я назвал бы «взаимозаменяемостью деталей» у Хайама. Пол-строки, целая строка, а порой и двустишие целиком повторяются в разных четверостишиях, могут быть перенесены из одного в другое. Что это? Позднейшие варианты? Я предпочитаю думать, что это поэтический принцип, и полностью использовал его в переводе.

Как Хайям на протяжении своей долгой жизни возвращался к важным для него мыслям, пересматривая их снова и снова, так и мы, переводчики, будем еще не раз возвращаться к его творчеству, казалось бы, столь ясному и осознанному, но каждый раз открывающему новые возможности, новую точку зрения. Работа эта, как я убедился на собственном опыте, практически бесконечна. Перечитывая сделанное, вдруг видишь места, которые можно усилить. Но стоит улучшить одно четверостишие, как соседнее начинает выглядеть слабым. Чтобы издать книгу, нужно было однажды остановиться.

Герман Плисецкий

Рубайат

1. «Много лет размышлял я над жизнью земной...»

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно, —
Вот последний секрет из постигнутых мной.

2. «Я – школяр в этом лучшем из лучших миров...»

Я – школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё еще не зачислен в разряд мастеров...

3. «И пылинка – живою частицей была...»

И пылинка – живою частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

4. «Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»...»

Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это – я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это – я!»

5. «Этот старый кувшин безутешней вдовца...»

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, – кричит он, – гончар, продавец, покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

6. «Я однажды кувшин говорящий купил...»

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

7. «Этот старый кувшин на столе бедняка...»

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

8. «Когда плачут весной облака – не грусти...»

Когда плачут весной облака – не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

9. «Был ли в самом начале у мира исток?..»

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10. «Видишь этого мальчика, старый мудрец?..»

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется – строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

11. «Управляется мир Четырьмя и Семью...»

Управляется мир Четырьмя и Семью.
Раб магических чисел – смиряюсь и пью.
Всё равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!

12. «В колыбели – младенец, покойник – в гробу...»

В колыбели – младенец, покойник – в гробу:
Вот и всё, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна – и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

13. «Я познание сделал своим ремеслом...»

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

14. «Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь...»

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей – будь счастлив теперь!

15. «Месяца месяцами сменялись до нас...»

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

16. «Как жар-птица, как в сказочном замке княжна...»

Как жар-птица, как в сказочном замке княжна,
В сердце истина скрытно храниться должна.
И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
Точно так же глубокая тайна нужна.

17. «Не тверди нам о том, что в раю – благодать...»

Не тверди нам о том, что в раю – благодать.
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой – эти гурии, розы, фонтаны...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

18. «Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь...»

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе – эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

19. «Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы...»

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

20. «Те, что веруют слепо, – пути не найдут...»

Те, что веруют слепо, – пути не найдут.
Тех, кто мыслит, – сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

21. «Лучше впасть в нищету, голодать или красть...»

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

22. «Недостойно – стремиться к тарелке любой...»

Недостойно – стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайама ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

23. «Если труженик, в поте лица своего...»

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

24. «Вижу смутную землю – обитель скорбей...»

Вижу смутную землю – обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблеставших и ставших добычей червей.

25. «Не одерживал смертный над небом побед...»

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

26. «Всё, что видим мы, – видимость только одна...»

Всё, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.

27. «Даже самые светлые в мире умы...»

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

28. «Удивленья достойны поступки Творца!...»

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца.
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

29. «Круг небес ослепляет нас блеском своим...»

Круг небес ослепляет нас блеском своим,
Ни конца, ни начала его мы не зрим,
Смысл его недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

30. «В поднебесье – светил ослепительных тьма...»

В поднебесье – светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

31. «Если истина вечно уходит из рук...»

Если истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нет смысла, поверь, в изученье наук!

32. «Ты с душою расстанешься скоро, поверь...»

Ты с душою расстанешься скоро, поверь,
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты – неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно – куда же отсель...

33. «Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!...»

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце,
И бояться не надо, о сердце мое!

34. «Когда с телом душа распростится, скорбя...»

Когда с телом душа распростится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя.
Век минует – и глиною ставшее тело
Пустьят в новое дело, киркою долбя.

35. «Где мудрец, мироздания постигший секрет?..»

Где мудрец, мироздания постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Всё равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...

36. «Тот, кто следует разуму, – доит быка...»

Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Мудрость нынче убыточна наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

37. «Здесь владыки блистали в парче и в шелку...»

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где всё это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку...»¹

¹ Игра слов: «ку» на фарси означает «где?»

38. «Этот старый дворец называется – мир...»

Этот старый дворец называется – мир.
Это царский, царями покинутый пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

39. «Где могучий Бахрам за онагром скакал...»

Где могучий Бахрам за онагром скакал —
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

40. «Если низменной похоти станешь рабом...»

Если низменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и – куда же потом?

41. «В прах судьбою растертые видятся мне...»

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне.
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный —
Только мертвые, мертвые видятся мне...

42. «Вижу: птица сидит на стене городской...»

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

43. «Я вчера наблюдал, как вращается круг...»

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

44. «Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей...»

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издаваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Хочешь в дело пустить? Ты – безумец, ей-ей!

45. «Я кувшин что есть силы об камень хватил...»

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
«О несчастный! – кувшин возопил. – И с тобою
Точно так же поступят, как ты поступил!»

46. «Сам я слышал вчера в мастерской гончара...»

Сам я слышал вчера в мастерской гончара —
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! – глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

47. «Поглядите на мастера глиняных дел...»

Поглядите на мастера глиняных дел:
Месит глину прилежно, умён и умел.
Приглядитесь внимательней: мастер – безумен,
Ибо это не глина, а месиво тел!

48. «Этот винный кувшин на столе бедняка...»

Этот винный кувшин на столе бедняка
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном,
А обвившая шею любимой рука.

49. «Ни держава, ни полная злата казна...»

Ни держава, ни полная злата казна
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна
Не дороже затычки от кувшина!

50. «На зеленых коврах хорасанских полей...»

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

51. «В этой тленной Вселенной в положенный срок...»

В этой тленной Вселенной в положенный срок
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
С неба лился б на землю кровавый поток!

52. «Поутру просыпается роза моя...»

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась —
И уже осыпается роза моя.

53. «Половина друзей моих погребена...»

Половина друзей моих погребена.
Всем живым уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

54. «Книга жизни моей перелистана – жаль!..»

Книга жизни моей перелистана – жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность – птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

55. «Мастер, шьющий палатки из шелка ума...»

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайям! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

56. «Мы – послушные куклы в руках у Творца!..»

Мы – послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас на сцену из мрака выводит Всевышний
И швыряет в сундук, доведя до конца.

57. «Даже гений – творенья венец и краса...»

Даже гений – творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди – покуда стоят небеса!

58. «Люди тлеют в могилах, ничем становясь...»

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

59. «Я спустился однажды в гончарный подвал...»

Я спустился однажды в гончарный подвал,
Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
Он из праха отца моего создавал!

60. «Разорвался у розы подол на ветру...»

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза – мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

61. «Жизнь уходит из рук, надвигается мгла...»

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

62. «В детстве ходим за истиной к учителям...»

В детстве ходим за истиной к учителям,
После – ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли.
Станем – прахом. Вот смысл этой сказки, Хайям!

63. «О невежды! Наш облик телесный – ничто...»

О невежды! Наш облик телесный – ничто,
Да и весь этот мир поднебесный – ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной – ничто!

64. «Всё, что в мире нам радует взоры, – ничто...»

Всё, что в мире нам радует взоры, – ничто.
Все стремления наши и споры – ничто.
Все вершины Земли, все просторы – ничто.
Всё, что мы волочем в свои норы, – ничто.

65. «В этом мире ты мудрым славешь? Ну и что?..»

В этом мире ты мудрым славешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
Дó ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

66. «Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто...»

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
Что от прожитой жизни осталось? Ничто.
Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
Всё, казалось, – мое. Оказалось – ничто.

67. «Если будешь всю жизнь наслаждений искать...»

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг и красавиц ласкать,
Всё равно тебе с этим придется расстаться.
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

68. «Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон...»

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
Деньги, истину, жизнь – всё поставит на кон!
Шариат и Коран – для него не закон.
Кто на свете, скажите, смелее, чем он?

69. «В Божий храм не пускайте меня на порог...»

В Божий храм не пускайте меня на порог.
Я – безбожник. Таким сотворил меня Бог.
Я подобен блуднице, чья вера – порок.
Рады б грешники в рай – да не знают дорог.

70. «Этот мир – эти горы, долины, моря...»

Этот мир – эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа – заря.
Жизнь твоя – на стекло нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

71. «Я нигде преклонить головы не могу...»

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный – увы! – не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, – не могу.

72. «Ты не очень-то щедр, всемогущий Творец...»

Ты не очень-то щедр, всемогущий Творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

73. «Жизнь – пустыня, по ней мы бредем нагишом...»

Жизнь – пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предрешен.

74. «Вместо солнца весь мир озарить – не могу...»

Вместо солнца весь мир озарить – не могу,
В тайну сущего дверь отворить – не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

75. «Ухожу, ибо в этой обители бед...»

Ухожу, ибо в этой обители бед,
В жизни сей ничего постоянного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

76. «Так как собственной смерти отсрочить нельзя...»

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

77. «Мы источник веселья – и скорби рудник...»

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

78. «Ты не волен в желаньях своих и делах?..»

Ты не волен в желаньях своих и делах?
Будь, однако, доволен: так хочет Аллах!
Следуй разуму: помни, что бренное тело —
Только искра и капля, только ветер и прах...

79. «Веселись! Ибо нас не спросили вчера...»

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Всё за нас в небесах предрешили вчера.

80. «Бренность мира узрев, горевать погоди!..»

Бренность мира узрев, горевать погоди!
Верь: не даром колотится сердце в груди.
Не горюй о минувшем: что было – то сплыло.
Не горюй о грядущем: туман впереди...

81. «Если б мог я найти путеводную нить...»

Если б мог я найти путеводную нить,
Если б мог я надежду на рай сохранить —
Не томился бы я в этой тесной темнице,
А спешил место жительства переменить!

82. «В этом замкнутом круге – крути не крути...»

В этом замкнутом круге – крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире – прийти и уйти.
И никто нам не скажет о смысле пути.

83. «Отчего всемогущий Творец наших тел...»

Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны – то кто бракодел?

84. «Изваял эту чашу искусный резец...»

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно Творец!

85. «Двери в рай всемогущий Господь затворил...»

Двери в рай всемогущий Господь затворил
Для того, кто из глины бутыль сотворил.
Как же быть, милосердный, с бутылкой из тыквы?
Ты об этом, по-моему, не говорил!

86. «Заглянуть за опущенный занавес тьмы...»

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Неспособны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадет завеса, —
В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

87. «Часть людей обольщается жизнью земной...»

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть – в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть – стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

88. «Мы бродили всю жизнь по горам и долам...»

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

89. «Ни от жизни моей, ни от смерти моей...»

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.
Задержусь ненадолго в обители сей —
И уйду, ничего не узнавши о ней.

90. «Ты не слушай глупцов, умудренных житьем...»

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайам, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...

91. «Видит Бог: не пропившись, я пить перестал...»

Видит Бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил – утешить хотел безутешную душу.
Всей душою влюбившись, я пить перестал.

92. «Были б добрые в силе, а злые слабы...»

Были б добрые в силе, а злые слабы —
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость,
Не роптали бы мы на превратность судьбы.

93. «Тайну вечности смертным постичь не дано...»

Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан – не всё ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

94. «И седых стариков, и румяных юнцов...»

И седых стариков, и румяных юнцов —
Всех одно ожидает в конце-то концов.
Задержаться в живых никому не удастся —
Не помилует смерть ни детей, ни отцов.

95. «Все цветы для тебя в этом мире цветут...»

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему – всё обманчиво тут.
Поколения смертных придут – и уйдут.
Рви цветы – и тебя в свое время сорвут.

96. «Ранним утром, о нежная, чарку налей...»

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Пей вино и на чанге играй веселей,
Ибо жизнь коротка, ибо нету возврата
Для ушедших отсюда... Поэтому – пей!

97. «О кумир! Я подобных тебе не встречал..»

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

98. «Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда...»

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным – не стоит труда.
Не нужны всемогущему Господу Богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

99. «Хорошо, если платье твое без прорех...»

Хорошо, если платье твое без прорех,
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

100. «Я страдать обречен до конца своих дней...»

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты, счастливец, становишься всё веселей.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много тайных уловок в запасе у ней.

101. «Океан, состоящий из капель, велик...»

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход – не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

102. «Каждый розовый взоры ласкающий куст...»

Каждый розовый взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

103. «Нищим дервишем ставши – достигнешь высот...»

Нищим дервишем ставши – достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши – достигнешь высот.
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши – достигнешь высот.

104. «Снова туча на землю роняет слезу...»

Снова туча на землю роняет слезу.
Трезвый, этого зрелища я не снесу.
Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
Завтра будем лежать под травой, внизу.

105. «Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела...»

Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела,
Ни покоя в душе, ни двора, ни кола.
Только горестей вдоволь судьба мне дала.
Что ж, Хайям, хоть за это Аллаху хвала!

106. «От судьбы мне всегда достаются пинки...»

От судьбы мне всегда достаются пинки,
Жизнь слагается воле моей вопреки,
И душа собирается тело покинуть:
«Больно стены жилья, – говорит, – не крепки».

107. «Пей вино! Нам с тобой не заказано пить...»

Пей вино! Нам с тобой не заказано пить,
Ибо небо намерено нас погубить.
Развалясь на траве, произросшей из праха,
Пей вино! И не надо судьбу торопить.

108. «Всё пройдет – и надежды зерно не взойдет...»

Всё пройдет – и надежды зерно не взойдет,
Всё, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Всё твое достоянье врагу отойдет.

109. «Как нужна для жемчужины полная тьма...»

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страдания нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

110. «До того как мы чашу судьбы изопьем...»

До того как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глоток перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

111. «До рождения ты не нуждался ни в чем...»

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как Бог, богачом.

112. «Из допущенных в рай и повергнутых в ад...»

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не рассчитывай, друг, на возврат.

113. «Вот лицо мое – словно прекрасный тюльпан...»

Вот лицо мое – словно прекрасный тюльпан,
Вот мой стройный, как ствол кипарисовый, стан.
Одного, сотворенный из праха, не знаю:
Для чего этот облик мне скульптором дан?

114. «Если б мне этой жизни причину постичь...»

Если б мне этой жизни причину постичь,
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

115. «Вразуми, всемогущее небо, невежд...»

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где ут́ок, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание – где ж?

116. «Этой чаше рассудок хвалу воздает...»

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет,
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает – и об землю без жалости бьет!

117. «Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит...»

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

118. «В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем...»

В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем,
Мы вина в пиалу, помолившись, нальем.
Сколько любящих, Боже, в безумье своем
Превратил Ты в сосуд, из которого пьем!

119. «Старость – дерево, корень которого сгнил...»

Старость – дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Обветшали четыре стены моей жизни,
Крыша рухнуть грозит с прогнивших стропил.

120. «Нет на свете тиранов злобней и жадней...»

Нет на свете тиранов злобней и жадней,
Чем земля и жестокое небо над ней.
Распороть бы земле ненасытное брюхо:
Сколько в нем засверкает бесценных камней!

121. «Двери в этой обители: выход и вход...»

Двери в этой обители: выход и вход.
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился – счастливее тот.

122. «Добровольно сюда не явился бы я...»

Добровольно сюда не явился бы я.
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился
Никуда. Никогда. Не родился бы я.

123. «Над землей небосвод наклоняется вновь...»

Над землей небосвод наклоняется вновь,
Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
Только хлещет на землю не кровь винограда,
А сынов человеческих алая кровь.

124. «Двести лет проживешь или тысячу лет...»

Двести лет проживешь или тысячу лет —
Всё равно попадешь муравьям на обед.
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница — разницы нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.